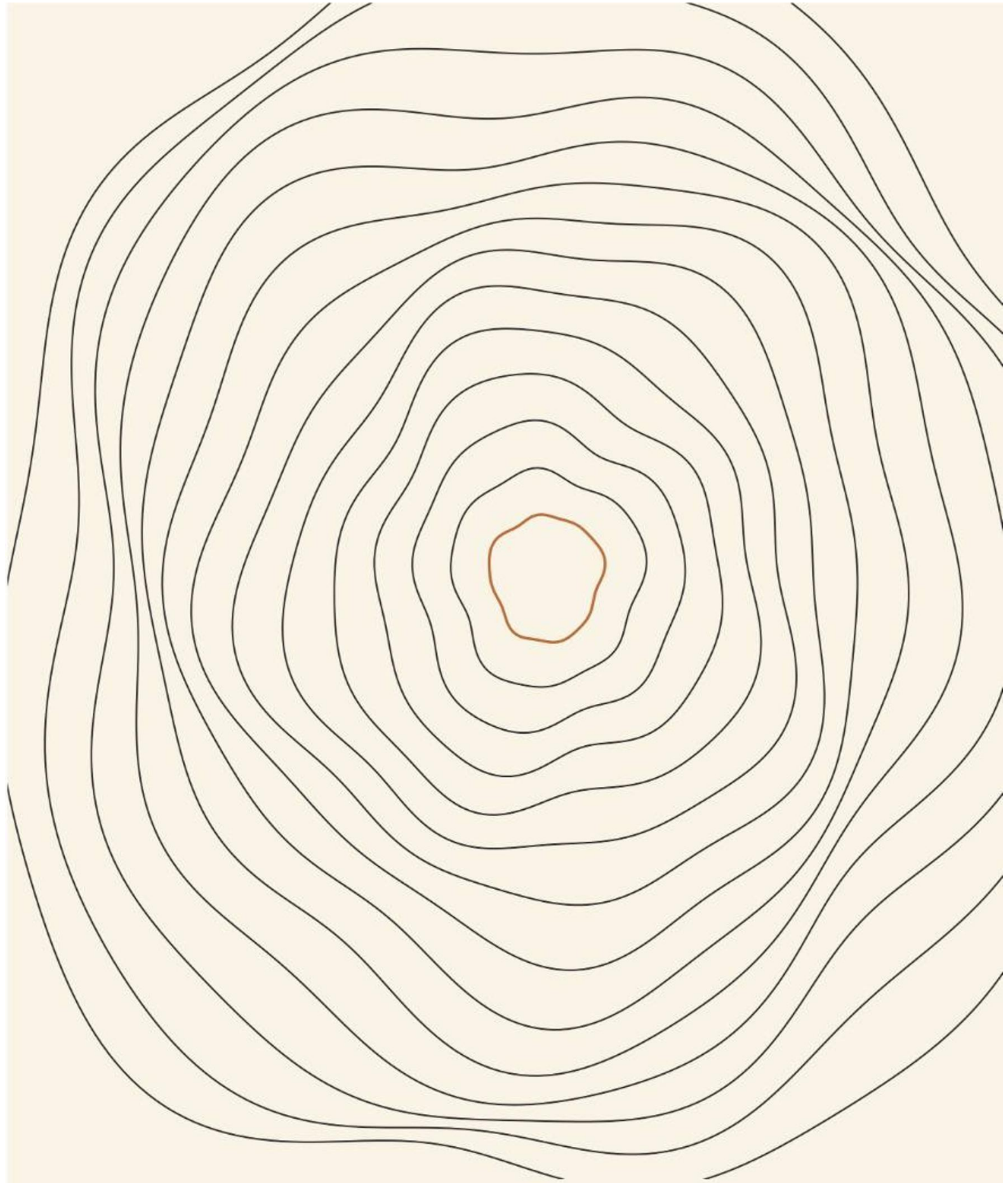

АНАТОМИЯ ТЕПЛА

18+

А. М.

Анатомия тепла

«Автор»

2026

М. А.

Анатомия тепла / А. М. — «Автор», 2026

Алиса получает работу мечты в стеклянной корпорации, где негде спрятать ошибку. Первый день: чужой мусор на столе, начальник, который смотрит на неё как на новый принтер, и знакомый голос внутри — «они поймут, что ты дрожишь». А потом появляется он. Человек, который видит её насквозь: талант, страх, трещины. Который говорит именно то, что она ждала услышать всю жизнь. Который даёт ей проект, уверенность и тепло — ровно в тех дозах, в каких она готова за них платить. Тридцать пять дней — от первого «доверься мне» до вопроса, на который ей придётся ответить самой: что из того, кем она стала за этот месяц, было её собственным выбором. Роман о заботе как инструменте контроля, о том, как чужая система становится твоим внутренним голосом, — и о том, как трудно уйти оттуда, где тебя, кажется, наконец-то поняли.

© М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стекло	5
День первый. Отражение	5
День второй. Сахарное стекло	9
День третий. Исходный код	13
День четвёртый. Вакуум	19
День пятый. Адвокат дьявола	23
День шестой. Абстиненция	27
День седьмой. Геометрия хаоса	30
Глава 2. Шёлк	35
День восьмой. Послевкусие	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

А. М. Анатомия тепла

Я получила, что хотела, и это оказалось страшнее всего, что я могла представить.

Глава 1. Стекло

День первый. Отражение

Существует особый род уверенности, который не имеет ничего общего с внутренним спокойствием, — уверенность как корсет, как механическое приспособление, которое ты натягиваешь на себя каждое утро, затягивая шнуровку до тех пор, пока рёбра не начнут ныть, пока спина не выпрямится сама собой, пока не исчезнет физическая возможность сгорбиться и выдохнуть. Ты носишь эту конструкцию весь день, и люди вокруг принимают её за твой хребет, за твою суть, не подозревая, что стоит расстегнуть одну застёжку — и ты сложишься пополам, как бумажная кукла.

В ванной я водила пальцем по холодному стеклу, очерчивая контур своего лица — медленно, как слепой, который ощупью пытается узнать чужого человека. Тёмные волосы, ещё влажные после душа, липли к шее. Под глазами залегли тени — серо-лиловые, как акварель, разведённая бессонницей. Скулы острые, подбородок узкий, ключицы торчат над вырезом майки. Мне двадцать семь, но в этом свете — утреннем, белом, безжалостном — лицо в зеркале выглядело моложе и старше одновременно: моложе глазами, старше — складкой между бровями, которой не было ещё год назад. Той женщине в отражении сегодня предстояло войти в стеклянные двери одной из лучших корпораций города и с невозмутимым лицом доказать, что она стоит тех денег, которые ей посулили на собеседовании. Мне же — настоящей мне, той, что стояла по эту сторону зеркала, — хотелось просто сползти по кафелю вниз и закрыть глаза.

Я знаю это чувство. Оно усаживается на край раковины, болтает ногами и шепчет с интонацией старого знакомого: «Они ошиблись. Они увидят, что ты дрожишь. Они поймут, что твоё портфолио — это везение, а не талант, и тогда ты останешься стоять посреди комнаты, голая, как актриса, забывшая текст на сцене.»

Помаду я выбрала оттенка «Винный бархат» — не потому, что она мне идёт, а потому, что такой цвет носят женщины, которые не боятся отказывать. Застегнула блузку на все пуговицы, до самого горла. Глухая оборона.

Я готова.

Нет, не так.

Она готова.

* * *

Город взял меня в оцепление, едва я вышла из подъезда. Обычно я любила этот район. Но сегодня воздух казался другим. Он был наэлектризован, как перед грозой, хотя небо оставалось безупречно синим.

В наушниках играла Massive Attack — «Teardrop». Я всегда слушала трип-хоп по дороге на работу. Тяжёлый, медленный бит настраивал мозг на нужную частоту, заглушая панику. Сегодня музыка казалась пророческой: *«Love, love is a verb / Love is a doing word...»*

По дороге к метро я впервые заметила, как много вокруг камер. Чёрные глянцевые полусферы на фасадах магазинов, на столбах, над подъездами. Раньше они были просто частью городского шума, как голуби или урны. Сегодня они казались зрачками.

Они поворачивались? Нет, обман зрения. Но мне захотелось поправить воротник, закрыть шею.

* * *

«Strata Corp» напоминала огромный аквариум для очень дорогих рыб. Стены прозрачные. Перегородки прозрачные. Здесь негде спрятать ошибку.

Ко мне подошла HR-менеджер Яна — девушка с улыбкой, приклеенной на суперклей.

— Добро пожаловать в семью! Мы так рады, что ты прошла отбор. У нас тут сумасшедший темп, но тебе понравится. Мы все горим работой!

«Горим работой». Обычно это эвфемизм для «мы сгорим заживо к тридцати годам».

— Спасибо. Рада быть здесь.

Яна подвела меня к столу. Вид на город был шикарный. Но сам стол... Спутанные провода, стопка старых бумаг, пыльный кактус и кружка с засохшим кофе.

— Ой... Кажется, Артём не успел прибраться перед увольнением. Ну, тут ничего страшного, да? Ты же разберёшься? У нас политика самостоятельности, хи-хи. Я побежала, у меня онбординг через пять минут!

Яна испарилась. На полпути обернулась:

— Ой, Алис, чуть не забыла! Это Игорь, твой арт-директор. Игорь, это Алиса, новенькая!

Мужчина за ближайшим столом поднял голову из-за монитора. Лет сорок, мятая рубашка, лицо человека, который давно перестал удивляться чему-либо. Он посмотрел на меня так, как смотрят на новый принтер — отметил факт появления, не более.

— Привет. Освоишься — подходи, дам вводные. Пока разберись с местом.

И снова уткнулся в экран. Ни рукопожатия, ни «рады тебя видеть», ни даже дежурной улыбки. Игорь был из тех руководителей, которые когда-то горели, а теперь тлели — тихо, безопасно, не поджигая и не согревая никого вокруг.

Я осталась одна перед чужим мусором.

Звать уборщицу я не стала. И молча убирать — тоже. Вместо этого начала разбирать завалы — медленно, с любопытством археолога. Почему он ушёл так быстро? Люди не бросают личные вещи просто так.

Среди старых бумаг и пустых стаканчиков я нашла блокнот. Обычный, корпоративный, с логотипом «Strata Corp» на обложке. Почти пустой — только на последней странице столбик дат и времени, написанный мелким, нервным почерком:

07.07 — 09:12, 12:47, 14:03, 17:51

08.07 — 09:08, 11:30, 13:15, 16:22, 18:40

09.07 — 09:11, 10:05, 12:50, 15:33, 17:48

И внизу, подчёркнуто дважды: *«Каждый день. В одно и то же время. Случайность?»*

Я перевернула страницу. Больше ничего. Ни объяснений, ни имён. Просто числа — мерные, как метки на графике. Или как записи наблюдения.

Страницу я вырвала, сложила и убрала в карман жакета, рядом с флешкой. Не знаю зачем. Наверное, по той же причине, по которой люди подбирают записки на чужих могилах — хочется понять чужой страх, чтобы заранее узнать свой.

«Параноик. Просто параноик. Люди в IT-компаниях иногда сходят с ума от переработок.»

Но руки стали холоднее.

* * *

Работа дизайнера — это поиск порядка в хаосе. Я выравнивала пиксели, подбирала шрифты, но моё периферийное зрение сканировало пространство.

Новый офис был прекрасен. И это пугало.

Здесь не было пыли. Воздух был стерильным, отфильтрованным, лишённым запахов улицы или кофе. Температура — ровно 22 градуса. Ни жарко, ни холодно. Идеальный климат для сохранения продуктов... или сотрудников.

Я заметила странную деталь в архитектуре: акустика. Open space был огромным, но здесь царила неестественная тишина. Ковролин поглощал шаги. Стеклопакеты глушили голоса. Люди двигались за перегородками как рыбы в аквариуме — беззвучно открывая рты.

Из вентиляционной решётки над моей головой доносился монотонный, низкочастотный гул. Это был не просто шум мотора. Это звучало как дыхание.

Вдох...

Выдох...

Мне казалось, что здание живое. Что оно изучает меня.

* * *

Мне нужно было размять ноги. Я пошла к кулеру через длинный стеклянный коридор. Слева, в одной из переговорных, шло совещание.

Я скользнула взглядом по лицам за стеклом. Обычные. Уставшие. Спорящие.

И вдруг я споткнулась.

В дальнем углу, в тени, сидел человек. Он был единственным, кто не смотрел на презентацию. Ноутбук закрыт. Поза расслабленная.

Он смотрел сквозь стекло. Прямо на меня.

Он не моргал. Вокруг него люди спорили о бюджетах, мир вращался, а он был абсолютной, пугающей константой. Неподвижной точкой в центре хаоса.

Я выдержала его взгляд всего секунду.

Его лицо ничего не выражало. Ни интереса, ни кокетства, ни приветствия. Это был взгляд хирурга, который оценивает пациента перед вскрытием.

Я ускорила шаг и свернула за угол, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

«Кто это?..»

Я не знала. Но помада «Винный бархат» на моих губах вдруг показалась мне слишком яркой. Слишком вызывающей.

* * *

Вечерний город встретил меня дождём. Это был не ливень, а мелкая, противная морось. Такси я ждала под козырьком.

На противоположной стороне улицы стояла чёрная машина. Тонированные стёкла, выключенные фары. Она стояла там утром? Кажется, нет. Или да?

В городе миллионы чёрных машин.

Но почему-то отражение в луже у моих ног исказилось так, будто кто-то стоял прямо за моим плечом. Я резко обернулась.

Пусто. Только охранник за стеклянной дверью.

«Ты сходишь с ума, Алиса. Тебе просто нужно выспаться.»

Я села в такси. Мы ехали в тишине через бесконечные туннели, и мне казалось, что мы кружим на месте, не приближаясь к дому ни на метр.

* * *

Дома я скинула туфли, прошлёпала босиком по холодному паркету и первым делом включила чайник. Привычка, переходящая в ритуал: сначала чай, потом можно думать. На кухне пахло корицей — палочка, засунутая в банку с сахаром ещё в прошлом месяце. На холодильнике висел магнит из Барселоны — единственное путешествие, на которое я когда-либо потратилась. В прихожей с весны стояло ведро с краской и стремянка — я полгода обещала себе докрасить стену в гостиной и каждое воскресенье находила причину перенести. Рядом с магнитом — список покупок: «молоко, авокадо, батарейки, перестать тревожиться (в отделе "Мечты")». Это я написала в приступе самоиронии. Сейчас ирония казалась вымученной. Туда же, под магнит, я зачем-то сунула вырванную страницу Артёма — чужой нервный почерк рядом с моим списком несбыточного.

Под душем я стояла долго, пытаюсь смыть с себя этот стерильный офисный запах. Я устала. Я справилась. День прошёл нормально. Никто меня не съел.

Я провалилась в сон.

...Я стою посреди своей комнаты. Но что-то не так. Тишина слишком плотная.

Подхожу к двери, чтобы выйти. Тяну руку. Ручки нет. Гладкое, холодное полотно.

Оборачиваюсь к окну. За окном нет улицы. За окном — стекло офиса «Strata Corp». И там, за стеклом, стоит он. Тот мужчина из переговорной.

Он держит в руке дверную ручку от моей комнаты.

Он не улыбается. Он просто смотрит и медленно поднимает руку, прикладывая палец к губам.

— Тш-ш-ш...

Я проснулась рывком, жадно глотая воздух. На часах было 03:15.

* * *

День второй. Сахарное стекло

Рывок из сна. На часах 03:15.

Обычно в это время просыпаются от липкого ужаса или нечистой совести. Но я проснулась от шелчка в голове. Идея. Она вспыхнула ярко, как магний, выжигая остатки кошмара.

Спать? Невозможно. Тело гудело, словно мне вкололи чистый адреналин прямо в сердце.

На кухню я прокралась, не включая свет, чтобы не спугнуть это странное вдохновение. Город за окном спал тяжёлым, серым сном. Слабаки.

Турка на плите зашипела, выплёскивая аромат жареных зёрен — резкий, бодрящий, почти агрессивный. Я налила густую чёрную жидкость и села на подоконник.

Внизу по мокрому асфальту ползла одинокая поливальная машина, смывая вчерашнюю грязь.

«Интересно, водитель тоже не спит, потому что у него гениальная идея, или потому что ипотека сама себя не выплатит?»

Я усмехнулась. Сарказм в четыре утра казался мне признаком острого ума, а не нервного истощения.

Ноутбук переключался на кухню — только проверить одну пропорцию — и я очнулась, когда небо над крышами начало сереть. Сетка стояла на экране целиком, будто всегда там была. В углу зелёным горел корпоративный мессенджер — открытый по привычке, забытый.

Кипяток барабанил по плечам, пытаюсь смыть усталость, но мысли текли в обратном направлении — вверх, фонтаном. Упёршись лбом в мокрый кафель, я смотрела, как пена стекает в слив, закручиваясь в воронку. Забавно. Мы состоим из воды на семьдесят процентов, но всю жизнь пытаемся эту воду из себя выдавить — слезами, потом, или вот так, стоя в душе и придумывая диалоги с людьми, которых не существует.

Когда я выключила кран, тишина ударила по ушам.

В запотевшем зеркале я протёрла рукой «окошко». На меня смотрела не уставшая женщина с кругами под глазами. На меня смотрела хищница с лихорадочным блеском в зрачках.

— Ну держись, офис. Сегодня я тебя съем.

* * *

Выход из подъезда был похож на смену фильтра в Инстаграме. Вчерашний нуар исчез. Мир выкрутили на максимальную яркость.

Небо было неестественно, химически голубым. Жёлтое такси у обочины слепило глаза, как лимон. Красный сигнал светофора горел, как спелая вишня.

К метро я шла, чувствуя себя героиней клипа. Камеры наблюдения на столбах? Я улыбнулась чёрному глазку объектива.

«Снимайте. У меня сегодня удачная укладка.»

Люди в вагоне казались мне медленными, сонными мухами, застрявшими в янтаре. Я лавировала между ними, чувствуя пьянящее превосходство. Они едут отбывать номер. Я еду творить.

* * *

Погружение в работу было тотальным. Я не замечала ни шума кондиционеров, ни перешёптываний коллег. Монитор был моим единственным собеседником. Пиксели вставали на места с пугающей точностью.

Один раз за моей спиной остановился Игорь. Он смотрел на сетку концепта, наклонив голову, секунды три — я видела его отражение в мониторе, — потом хмыкнул и пошёл дальше. От Игоря это, кажется, была высшая форма рецензии.

Идиллия разрушилась внезапным вторжением.

— Приве-е-ет!

Стул рядом скрипнул. Юля подкатилась ко мне — буквально, на колёсиках, — сияя.

— Слушай, ты выглядишь просто огонь! Глаза горят! Выспалась?

— Типа того. Спать для слабаков, Юль.

Мой голос звучал хриловато, но уверенно.

— Во-во! Слушай, раз ты такая заряженная... Спасай. У меня макет для логистов горит синим пламенем. Там буквы пляшут, как я на корпоративе, а босс требует сдать через час. Глянешь? Ну пожа-а-алуйста!

Я ворвалась в её макет как ураган. Пальцы летали над клавиатурой, горячие клавиши срабатывали быстрее, чем Юля успевала моргать.

— Офигеть... — выдохнула она, глядя, как кривой текст превращается в идеальную сетку.
— Ты просто киборг!

— Я просто люблю свою работу, — бросила я, чувствуя пьянящий прилив гордости.

Юля сияла. Я чувствовала себя спасительницей вселенной. Я отдала ей готовый файл, не заметив, что вместе с ним отдала последние крохи своей энергии.

* * *

Это случилось ровно в четыре часа дня, и случилось мгновенно, как случается обморок — без предупреждения, без перехода, без милосердного угасания, которое позволило бы тебе подготовиться. Эйфория не ушла; она обрушилась, как обрушивается подмытый берег в реку — целым пластом, — и на том месте, где секунду назад стояла уверенная в себе женщина с горящими глазами, осталась звенящая, головокружительная пустота.

Цвета поблекли. Монитор, который час назад был моим союзником, теперь слепил глаза бессмысленной белизной. Офисный гул — тот самый, который утром казался мне аккомпанементом к моему триумфу, — превратился в сверло, медленно ввинчивающееся в висок. Пальцы дрожали. Не крупной, заметной дрожью, а мелкой, подлой, от которой невозможно попасть курсором в нужный пиксель.

Мне нужен был кофе. Или тишина. Или просто закрыть глаза и просидеть так минуту, две, пять, пока мир не перестанет покачиваться.

Я встала и, придерживаясь пальцами за стену — не опираясь, боже упаси, просто касаясь, чтобы никто не заметил, — побрела к кухне. Коридор казался бесконечным, как те коридоры в кошмарах, где ты идёшь, идёшь, а дверь в конце не приближается ни на шаг.

У автомата я тупо глядела на мигающие кнопки. Эспрессо? Американо? Капучино? Буквы расплывались.

Кнопку нажала наугад, но пальцы соскользнули.

— Ты сегодня... вибрируешь.

Я вздрогнула всем телом. Он стоял у окна, спиной к свету. В руках — стальной термостакан. Я впервые видела его вблизи, без стеклянной перегородки между нами. Высокий — на голову выше меня, — с лицом, вырезанным из чего-то твёрдого: резкие скулы, прямой нос, тёмные глаза, посаженные глубоко, как окна в крепостной стене. Волосы тёмно-русые, коротко стриженные, с первыми проблесками седины на висках. Ему было, наверное, тридцать пять, но возраст в нём не считывался — он существовал вне шкалы, как предмет, у которого нет года выпуска. Руки — длинные пальцы, сухие кисти, ногти коротко стрижены. И шрам. Но шрам я заметила позже.

Странно. Рядом с ним свет в кухне всегда казался теплее, чем в коридоре. Ламповый, жёлтый, уютный.

— Вибрирую? Это новый корпоративный сленг для «нервного тика»?

Он чуть улыбнулся.

— Нет. Это физика. Высокая частота. Красиво, но... — он сделал паузу, разглядывая меня с ленивым интересом. — ...струны имеют свойство рваться, если их перетянуть.

Его тон не был грубым. Он не читал нотации. Он говорил так, будто мы оба знали секрет, который я пытаюсь скрыть от остальных.

— Кофе из автомата тебя добьёт. Там одна химия. — Он протянул мне свой стакан. — Держи. Ромашка с мелиссой. Тебе нужно снизить обороты, Алиса. Иначе не доживёшь до завтрашней презентации.

— Я вообще-то не пью кофеин после обеда, — зачем-то сказала я, как будто это что-то объясняло. Как будто женщина, которую застали тычущей наугад в кнопки кофейного автомата, могла сохранить лицо.

Мои пальцы коснулись его руки. На секунду. Его кожа была сухой и тёплой. Но я заметила деталь — крохотную, почти невидимую. На тыльной стороне его ладони, между большим и указательным пальцем, белел старый шрам. Тонкий, ровный, не похожий на случайный порез. Слишком аккуратный для бытовой травмы.

Я сделала глоток. Это был не пакетированный чай. Настоящие травы, мягкий, обволакивающий вкус.

— Спасибо... — выдохнула я, чувствуя, как узел в желудке начинает развязываться.

Он кивнул. Его глаза сузились от удовольствия. «Хорошая девочка», — он не сказал этого вслух, но я услышала эту интонацию в том, как он отступил на шаг, давая мне пространство. Он победил, и мне было плевать. Мне было тепло.

* * *

Из офиса я выходила как лунатик.

Город, который утром был парком развлечений, теперь скалился тёмными окнами и пробками. Огни машин расплывались в лужах, превращаясь в грязные масляные пятна.

Такси ползло сквозь затор. Я прислонилась лбом к холодному стеклу. Где та хищница, что была утром? Осталась только уставшая женщина с размазанной тушью, которая мечтает провалиться в сон без сновидений.

Квартира встретила тишиной, от которой закладывало уши. Ужин — остатки том-яма из контейнера. Я ела прямо из пластика, стоя у окна, потому что садиться за стол для одного человека казалось слишком грустным ритуалом. Вкуса я не почувствовала. Просто биомасса.

Я включила плейлист «Для тишины» — Nils Frahm, Ólafur Arnalds, всё медленное и бесслёзное. Завернулась в плед на диване и смотрела в тёмное окно. В доме напротив горели сотни окон. Тысячи жизней, упакованных в бетонные соты. Кто-то ужинает, кто-то ругается, кто-то занимается любовью. А мы все — просто пиксели на чьём-то мониторе.

Телефон на столе коротко завибрировал. Новое сообщение.

От: Mark V. Фото профиля отсутствует.

«Смотрю, ты всё-таки добралась до дома. P.S. Статус "в сети..." в 4 утра — плохая примета, Алиса. Хорошие идеи приходят во сне, а не в чатах. Выспись. Завтра будет громко.»

Я замерла, глядя на экран.

В этом сообщении не было угрозы. Оно звучало почти... по-дружески? Как подколка заботливого коллеги.

Но под текстом лежал второй слой.

Он видел. Он видел, как горел мой «Online» посреди ночи. И, значит, он сам не спал, глядя на этот зелёный кружочек, ожидая, напишу я что-то или нет.

— Спокойной ночи, Марк... — прошептала я пустому экрану.

Холодок пробежал по спине. Но странным образом смешался с теплом. Кому-то было не всё равно, сплю я или нет. Даже если этот «кто-то» пугал меня до чёртиков.

* * *

Я легла в кровать, но сон не приходил.

Тело устало, а мозг — нет. Он прокручивал события дня на бесконечном повторе, как заевшую пластинку. Я лежала на спине, глядя в потолок, и слушала, как за стеной соседка смотрит какое-то ток-шоу — приглушённый смех, бубнёж ведущего. Нормальная жизнь нормальных людей.

Я взяла телефон. Открыла его профиль в корпоративном мессенджере. Фото нет. Статус — пустое поле. Должность: Head of Cybersecurity. Дата регистрации скрыта. Общих чатов — ноль. Серый кружок без подписи, без слогана, без следов — будто кто-то открыл анкету, дочитал до строки «о себе», подумал две секунды и закрыл.

Пролистала свой чат с ним: одно входящее сообщение. Одно. И я уже перечитала его четыре раза.

«Завтра будет громко.»

Что это значит? Предупреждение? Угроза? Флирт?

Телефон я положила экраном вниз, закрыла глаза. Но видела не темноту — я видела его лицо за стеклом переговорной. Неподвижное. Читающее меня, как открытый код.

Сон накрыл меня только под утро — тяжёлый, без сновидений, как наркоз.

* * *

День третий. Исходный код

В это утро будильник мне не понадобился. Я открыла глаза за минуту до звонка.

Внутри была абсолютная, звенящая пустота. Ни паники первого дня, ни вчерашней наркотической эйфории. Только холодная концентрация. Так чувствует себя сапёр, который идёт к проводам, зная, что права на ошибку нет.

Я оделась в чёрное. Строгий брючный костюм, который работал как броня. Флешка лежала в кармане жакета. Я сжала её в кулаке так сильно, что острый угол пластика впился в ладонь.

— Это мой проект. Моя идея. Никто не сделает это лучше меня.

Я сказала это зеркалу. Отражение кивнуло, но глаза остались тревожными. Женщина в зеркале знала: в корпоративном мире талант — это ещё не гарантия выживания.

* * *

Офис гудел, как встревоженный улей. Но я не слышала шума. В ушах стоял ватный вакуум.

Я шла к главной переговорной «Аквариум». Стеклянные стены от пола до потолка. Все, кто внутри, — как на ладони. Или как мясо на витрине.

У входа стояла Кира — дизайнер из соседнего ряда; за три дня мы обменялись разве что парой кивков. Она выглядела странно. Слишком возбуждённая, неестественный румянец на щеках, бегающий взгляд. Увидев меня, она натянула улыбку — широкую, но какую-то пластиковую, как у куклы Барби.

— О, привет! Ты готова? Волнуешься? Не бойся, там главное — уверенность. Я, кстати, пойду первой, разогрею их, окей?

— Без проблем. Разогревай.

Подвоха я не почувствовала — слишком была сосредоточена на себе. Наивная дура. Я думала, мы играем в дизайн, а мы играли в «царя горы».

* * *

Мы сели. Во главе стола — Игорь. Мятая рубашка, кофе в руке, лицо скучающего бульдога. Рядом — маркетологи, уткнувшиеся в телефоны.

В дальнем углу, в тени, сидел Марк. Он не смотрел на меня. Он открыл ноутбук и уставился в экран. Его поза была расслабленной, почти ленивой. Казалось, ему плевать на происходящее.

Я ошиблась. Ему было не плевать. Он ждал сигнала.

— Кира, начинайте. Времени мало.

— Да, конечно. Коллеги, я хотела отойти от стандартов и предложить вам нечто радикальное...

Звук щелчка кликера. Экран проектора вспыхнул.

Время не остановилось. Оно разбилось вдребезги.

Я смотрела на экран, и сначала не поняла, что не так. Цвета были другие — вместо моего индиго Кира выбрала бирюзу, шрифт заменила на гротеск, добавила градиент, которого у меня не было. На первый взгляд — другая работа. Авторство: «Концепт: Кира В.».

Но я видела скелет.

Под чужой кожей была моя сетка. Мои пропорции. Мой принцип построения логотипа, который я вырисовывала в четыре утра: соотношение 3:5, золотое сечение в негативном пространстве, тот самый поворот формы на 15 градусов, который я нащупала интуитивно. Она перекрасила стены, но планировка осталась моей.

— Обратите внимание на негативное пространство. Я вдохновлялась японским минимализмом...

Она говорила моими словами. Теми самыми формулировками из моих заметок к слоям — они ушли к ней вместе с файлом. Кира была не дура. Она знала, что пиксель в пиксель копировать нельзя — поэтому перекрасила, перелицевала, и у Игоря, который смотрит на верхний слой и идёт пить кофе, это бы прошло. Кира просчитала Игоря. Она не просчитала Марка — потому что Марк не входил в её модель. Для дизайнера кибербезопасность — это где-то там, файрволы, скучно. Кириным слепым пятном было не моё авторство; её слепым пятном был сам факт, что в этой компании кто-то смотрит в журналы доступа к дизайнерским файлам. Как вор, который перекрашивает угнанную машину, не зная, что в ней стоит GPS, о существовании которого ему не сказали.

Я открыла рот... и закрыла.

Если я сейчас начну оправдываться, это будет выглядеть жалко. «Она украла у меня!» — так кричат дети в песочнице. В корпорациях верят презентациям, а не слезам.

Я просто сползла ниже в кресле, чувствуя, как холодеют руки. Мир сузился до пятна света на экране.

* * *

Игорь наклонил голову. Прищурился. Я видела, как его взгляд скользнул по сетке на слайде — по моей сетке, — и задержался на секунду дольше, чем нужно. Он узнал. Я видела это по тому, как дрогнул его кофейный стаканчик. Он узнал структуру и промолчал.

— Хм. Кира, это... сильно. Свежо. Мне нравится этот поворот с геометрией.

Кира сияла.

— Спасибо! Идея пришла ко мне сегодня утром, пока я ехала в такси. Вдохновение — странная штука!

— Любопытно.

Это слово прозвучало негромко, но в нём было что-то, от чего Кира запнулась на полуслове. Игорь повернул голову.

Марк не встал. Он развернул свой ноутбук экраном к столу — спокойно, без драмы, как человек, который показывает коллеге расписание поездов.

— Простите, что вмешиваюсь. Сегодня утром система безопасности зафиксировала аномалию в файловых операциях внутри дизайн-отдела. Я проверил — стандартная процедура при любом массовом копировании. — Он говорил скучным, протокольным тоном, как на планёрке по compliance. — Файл с векторной геометрией, идентичной по структуре представленному концепту, был создан на рабочей станции Alice_Design второго октября. Файл Киры создан сегодня в 09:10. Метаданные показывают, что исходные слои были скопированы, после чего изменены цветовая палитра и типографика. Структура сетки осталась без изменений.

Он замолчал. Не добавил выводов, не обвинил, не повысил голос. Просто положил факты на стол, как патологоанатом кладёт заключение.

Тишина в переговорной стала такой плотной, что я слышала, как гудит лампа в проекторе.

Игорь посмотрел на экран ноутбука Марка. Потом на слайд Киры. Потом — медленно — на Киру. Его лицо не изменилось — та же скука, та же усталость, — но стаканчик с кофе он поставил на стол с тихим стуком, будто потерял к нему интерес.

— Кира, — сказал он ровным голосом. — Пожалуйста, оставайтесь после совещания.

Кира открыла рот. Закрыла. Румянец на её щеках превратился в белые пятна. Она выглядела так, будто с неё заживо сдирают кожу, а вокруг продолжают обсуждать бюджеты.

Моя флешка жгла карман. Но она была уже не нужна.

Марк закрыл ноутбук и откинулся на спинку стула, глядя в окно. Как будто ничего не произошло. Как будто он просто выполнил рабочую задачу и уже думает о следующей.

Но я видела: он ни разу не посмотрел на Киру. Ни до, ни после. Она для него не существовала как человек. Только как строчка в логге, которую нужно было пометить красным.

* * *

Совещание свернули досрочно. Игорь увёл Киру в свой кабинет. Я вылетела в коридор, потому что мне не хватало воздуха.

Забилась в «слепую зону» — тупик у панорамного окна. Прижалась лбом к холодному стеклу, пытаюсь унять дрожь.

Шаги. Мягкие, тихие. Мне не нужно было оборачиваться. Я знала, кто это.

Я обернулась. Он стоял спокойно, руки в карманах. В голове крутилась одна деталь. Та самая, которую никто больше не заметил.

— Ты сказал «сегодня утром система зафиксировала», — сказала я тихо. — Но у тебя на экране уже был готовый отчёт. С таймкодами, с метаданными, с наложением слоёв. Это не «стандартная проверка». Ты это подготовил заранее.

Он чуть наклонил голову, признавая мою наблюдательность. В его глазах мелькнула искра интереса.

— Верно.

— Значит, ты знал. Ты видел, как она скопировала файл утром. И ты промолчал. Ты позволил мне зайти туда, позволил ей начать, позволил мне пережить этот ужас... Зачем?

Он сделал шаг ко мне. Теперь он был слишком близко. Я чувствовала запах его парфюма — холодный, металлический.

— Если бы я сказал тебе утром, ты бы побежала к Игорю. Тебе бы не поверили. Сказали бы, что ты наговариваешь на коллегу из ревности. Кира бы выкрутилась.

Он наклонился к моему лицу, понижая голос до шёпота:

— Зло нужно ловить за руку в момент удара, Алиса. И казнить при свидетелях. Только тогда это работает.

Он произнёс это так, будто читал. Не своими словами — заученным. Будто на каком-то этапе своей жизни он решил, что эта фраза работает, и теперь применял её, как применяют формулу — точно по дозировке. Я тогда не поняла, чем мне это не понравилось. Поняла гораздо позже.

— Ты использовал меня как наживку.

Что-то мелькнуло в его лице. Быстро, как помеха на экране. Челюсть дрогнула — едва заметно, на долю секунды, будто он сжал зубы, подавляя слово, которое не планировал произносить. Потом лицо снова стало гладким, как стекло.

— Я сделал тебя победителем. — Он смотрел мне прямо в глаза, гипнотизируя. — Теперь ты не просто «новая сотрудница». Ты — неприкасаемая.

Мне хотелось ударить его. Мне хотелось бежать от него. Но больше всего я чувствовала облегчение. Грязное, липкое, сладкое облегчение.

И ещё — я запомнила эту дрожь челюсти. Первый сбой в системе. Первый признак, что за идеальным фасадом что-то дышит.

Я отступила на шаг, восстанавливая дистанцию.

— Ты следишь за каждым файлом в компании? Или только за моими?

Марк хмыкнул. Ему понравился этот вопрос.

— Я мониторию аномалии. А ты — самая красивая аномалия в этом коде.

* * *

Перед самым уходом у моего стола остановился Игорь.

— Концепт ваш. С понедельника ведёте ребрендинг, — сказал он так же буднично, как сообщают о переносе планёрки. И, уже отходя, добавил не оборачиваясь: — Хорошая сетка.

В его исполнении это был орден.

* * *

День закончился. Адреналин сторел, оставив пепел.

На улице был потоп. Такси не ехали — приложение показывало «Нет свободных машин». Я стояла под козырьком, мокрая, злая, с мёртвым зонтом в руке, и тыкала в экран, обновляя карту.

Тёмно-серая машина плавно остановилась у бордюра. Не новая, не роскошная — просто ухоженная, как вещь человека, который ценит порядок. Стекло опустилось. Из салона пахло теплом и тихим джазом.

Позже я подумала: он видел, когда я прошла через турникет на выходе. Система фиксирует время. Парковка в трёх минутах от входа. Он просто посчитал.

— Садись.

— Я подожду такси...

— Алиса. — В его голосе появились стальные нотки. — Не будь ребёнком. Ты дрожишь. Садись.

— Мне не по пути.

— Я знаю, где ты живёшь, Алиса. Я просто подвезу тебя. Никаких драм.

Я села. Потому что выбора не было. Тепло салона окутало меня, как кокон. Дверь захлопнулась, отрезая шум дождя. Вместе с дверью захлопнулась и какая-то дверка внутри меня — та, за которой прячется осторожность.

* * *

Машина уехала, растворившись в дожде. Я поднялась на свой этаж, чувствуя себя контрабандой, которую успешно провезли через границу.

В квартире было тихо. Но теперь эта тишина была заполнена ожиданием.

Свет я не включила. Сползла по стене вниз, прямо у входной двери. Пальто пахло его машиной — дорогой кожей, озоном и сандалом. Я поднесла рукав к лицу и вдохнула.

Это был запах власти.

Я закрыла глаза и начала разбирать себя — слой за слоем, как сносят здание: сначала отделка, потом стены, потом каркас, пока не обнажится фундамент, и ты увидишь, на чём стоишь, — на скале или на песке.

Факты. Только факты.

В четыре утра я работала, и он видел мой зелёный кружок «Online» — видел и запомнил. В 9:10 утра Кира скопировала мой файл, и он это зафиксировал — зафиксировал и промолчал. В 11:30 началась презентация, и он сидел в тени с готовым отчётом на ноутбуке, наблюдая, как я леденею от ужаса, — и ждал. Он ждал, пока я почти задохнусь, пока страх сожмёт мне горло до состояния немоты, и только тогда, с безупречным чувством момента, вмешался.

И вот теперь — чувства. Тут начиналось самое постыдное.

Мне не было жаль Киру. Я искала в себе жалость — так ищут в кармане ключи, зная, что их там нет, но продолжая шарить из вежливости перед самой собой, — и не находила ничего, кроме странного, тёмного, почти физического наслаждения. Когда Марк спокойным голосом выкладывал метаданные, когда белые пятна расплзались по Кириному лицу, когда тишина в переговорной стала такой густой, что в ней можно было утонуть, — я чувствовала не ужас. Я чувствовала торжество. Грязное, жаркое, сладкое торжество, от которого кровь прилиwała к щекам и сердце стучало не от страха, а от чего-то, подозрительно похожего на восторг.

Годами я была «хорошей девочкой». Той, которая уступает, терпит, не повышает голос, не даёт сдачи. А сегодня пришёл он — и перегрыз глотку моему врагу. За меня. Вместо меня. Чтобы мои руки остались чистыми, а совесть — незапятнанной.

«Ты не жертва, Алиса. Ты — соучастница. Ты приняла этот дар. Ты села в его машину. Ты вдыхала его запах и чувствовала облегчение.»

Бесплатный сыр бывает только в мышеловке — это знает каждый ребёнок. Но что, если ты настолько голодна, что пружина перестаёт пугать? Что, если щелчок ловушки кажется тебе меньшим злом, чем ещё одна ночь в пустой квартире, где тебя никто не ждёт и никому не нужно, спишь ты или нет?

Я посмотрела на свои руки. Они больше не дрожали. Впервые за три дня.

Марк опасен — это было очевидно с такой ослепительной ясностью, что не признать этого мог только слепой или влюблённый. Но сегодня, впервые за годы, я засыпала не с привычной тревогой, не с тем кислым, изматывающим чувством, которое заставляет тебя по три раза проверять замок на двери. Я засыпала с ощущением, что кто-то стоит по ту сторону этой двери. Не для того, чтобы войти. А для того, чтобы никого не впустить.

Он был опасен. Это знание не помогало уснуть. Но я и не хотела уснуть — я хотела продлить эту минуту, в которой кто-то наконец стоял спиной к моей двери, лицом к чужим. Что-то на самом дне сознания шевельнулось — понимание, что я отдала кому-то ключи от собственной осторожности. Но я была слишком уставшей, чтобы шевелиться вместе с этим пониманием.

* * *

Я легла в кровать, закутавшись в одеяло по самый нос. Кокон.

Мысли плавилась, теряя форму:

...Он сказал «Аномалия»...

...Красивая аномалия...

...Его пальцы на руле. Длинные, уверенные. Он не сжимал руль, он его *держал*. Так же, как он держит эту ситуацию...

...Пальто пахнет его машиной. Надо повесить в шкаф. Или не надо...

...Интересно, если я перестану грести, он даст мне утонуть? Или подхватит?..

Я засыпала с памятью о вкусе его чая и чувством, что кто-то стоит по ту сторону стены.
Не за дверью. Не на улице. Где-то ближе. Внутри самой тишины.

Это было страшно. Но почему-то именно от этого я наконец-то смогла расслабить плечи.

* * *

День четвёртый. Вакуум

Утро началось не с кофе, а с вибрации телефона.

Я схватила его, надеясь увидеть имя на букву «М». Сердце подпрыгнуло... и рухнуло вниз.

На экране высветилось: «Мама».

Сообщение было коротким, без смайликов и приветствий. В стиле телеграммы военного времени:

«Ждём тебя сегодня к 19:00. Отец купил торт. Не опаздывай, как в прошлый раз. Нам нужно поговорить о твоей новой работе.»

Я вздохнула, чувствуя, как на плечи ложится невидимая бетонная плита. Это было не приглашение. Это была повестка.

Напечатала: «Буду». Стёрла. Написала: «Постараюсь успеть». Мать тут же ответила: «Ждём». Дискуссия окончена.

Статус Марка: «Был в сети в 07:15». Он проснулся. Он взял телефон. Но он не написал мне ни слова.

Вчерашний джаз и тепло машины казались галлюцинацией. Реальностью было только требовательное сообщение матери и тишина от того, кто вчера спас мне жизнь.

* * *

В офис я пришла на пятнадцать минут раньше. Сказала себе, что ради отчёта, но тело знало правду: мне хотелось встретить его у лифта. Блузку надела ту, в которой была в первый день, — готовая к взгляду, к полуулыбке, к тайному знаку «мы вместе».

Но лифт приехал пустым.

День тянулся, как густая смола. Я работала, но один мой глаз всегда, как радар, сканировал стеклянную стену. Я ждала тень в коридоре.

И он появился. Около полудня. Марк шёл быстрым, пружинистым шагом, с телефоном у уха. Я подняла голову. Сердце сделало кульбит. Я была готова кивнуть, улыбнуться...

Он не повернулся.

Он прошёл в двух метрах от моего стола, глядя прямо перед собой. Его взгляд скользнул по мне, как по офисному креслу, как по фикусу в кадке. Скользнул — и не зацепился.

Воздух вокруг меня мгновенно стал ледяным.

«Вчера я была "Аномалией". Сегодня я снова стала мебелью.»

Это было больнее, чем если бы он нахамил. Это было отсутствие. Я для него — просто закрытая задача в списке дел? «Спасти Алису — выполнено». Можно забыть?

* * *

К вечеру тишина Марка стала оглушительной. Он был «Online», но этот зелёный кружок горел не для меня.

Мне нужно было сбежать. Куда угодно, где есть люди, которые обязаны меня любить по праву крови.

В метро я разглядывала усталые лица пассажиров. Почему мы всегда возвращаемся в дом, где выросли, когда нам плохо? Мы надеемся, что там, среди старых обоев, мы снова станем детьми, которых защитят.

Какая наивная ложь. Мы возвращаемся туда, чтобы убедиться: мы выросли, а защищать нас по-прежнему некому.

* * *

Квартира родителей встретила меня духотой. Форточки были закрыты — «чтобы не надуло».

Отец сидел в своём продавленном кресле перед телевизором. Увидев меня, он расцвёл — мягкой, виноватой улыбкой человека, который привык извиняться за своё существование. Мать гремела посудой на кухне, как полководец перед битвой.

— Алисенька пришла... — он засуетился, неуклюже обнимая меня. От него пахло старыми газетами и мятой. — Проходи, проходи. Ты похудела, дочка? Совсем прозрачная стала.

— Не похудела, а осунулась! — голос матери прилетел из кухни. — Вить, не суетись, дай ей тапочки. Алиса, мой руки, полотенце только свежее не бери, возьми то, что справа!

Мы сели за стол. Отец подкладывал мне лучшие кусочки торта, заглядывая в глаза с собачьей преданностью.

— Кушай, Лисёнок, кушай.

Я смотрела на него. Добрый, мягкий, бесхребетный. Он любил меня, да. Но он любил свой покой больше. Всю жизнь он прятался за мамину спину, кивая и соглашаясь, лишь бы не было скандала.

— У меня новости, — сказала я, пытаюсь пробить стену звона вилок. — Вчера была презентация. Мой проект утвердили. Я теперь веду ребрендинг.

— Ух ты! Видишь, Надя? Наша-то, а? Молодец, дочка! Я же говорил, талант!

Мать не подняла глаз от тарелки.

— Утвердили? Это тот, который ты ночами переделывала? Смотри, не возгордись. В таких компаниях сегодня утвердили, а завтра уволили.

— Мам, это было сложно. Там... одна коллега пыталась украсть мою идею. Скопировала файлы.

— Как украсть? — ахнул отец. — Вот же люди пошли... Бессовестные! Ну ты же ей показала, да? Постояла за себя?

— Ну... почти. Нам помог начальник безопасности. Он нашёл логи и доказал, что автор я. Мать медленно положила вилку. Взгляд снайпера, нашедшего цель.

— Украла? Прямо у тебя из-под носа?

Она вздохнула. Тяжело, театрально.

— Алиса, ты всегда была ротозем. Помнишь, как в восьмом классе у тебя телефон вытащили? Ты витала в облаках. И сейчас. Тебя чуть не подставили, а ты сидишь и радуешься.

Она потянулась к стакану с водой. Это движение я видела тысячу раз — отлаженное, материнское, контрольное. Но в этот раз её рука дрогнула в локте — на секунду, незаметно для всех, кроме того, кто сидел ровно напротив. Стакан звякнул о горлышко графина, и она поправила хват, как поправляют пробку. Материнские мелочи я давно выучилась не замечать: мать, замеченная в слабости, наверстает через час, через ужин на следующей неделе. Но в эту секунду я знала, что мама когда-то тоже была чьей-то снайперской мишенью. Не моей. Чьей-то ещё — отцовской, бабкиной, какой-то её собственной комнаты в её собственном детстве. Я не знала. Я не хотела знать. Я хотела домой.

— Надь, ну чего ты... — робко вставил отец. — Всё же хорошо закончилось. Главное — победа.

— Витя, помолчи. Какая победа? Это позор. Если бы не этот мужик, она бы сейчас на улице была. — Мать повернулась ко мне. — Тебя спасли, Алиса. Как слепого щенка. Это не твоя заслуга. Это чудо, что твою невнимательность прикрыл кто-то умный. Надеюсь, ты его хоть нормально поблагодарила? Или тоже забыла?

Я посмотрела на отца.

«Папа, скажи ей. Скажи, что я молодец. Защити меня.»

Отец отвёл глаза. Он начал крошить бисквит в тарелке, низко опустив голову, чтобы не встречаться со взглядом жены.

— Ну... Мама просто переживает, Лисёнок. Она же добра желает. Будь внимательнее в следующий раз, ладно?

В этот момент что-то внутри меня щёлкнуло.

Отец не поможет. Он крошит бисквит и говорит «Лисёнок», и от этого «Лисёнок» — острее, чем от маминого «слепая».

Я одна.

* * *

Я выбежала из родительского дома раньше времени, сославшись на мигрень. Отец сунул мне в карман шоколадку «Алёнка», шепнув: «Не обижайся на неё.»

Шоколадку хотелось вышвырнуть в урну. Этот жест жалости унижал меня ещё больше.

Слова матери жгли меня кислотой всю дорогу домой. «Тебя спасли, как слепого щенка.»

Самое страшное было не в том, что она это сказала. А в том, что она была права. Я действительно была слепым щенком. А Марк был тем, кто взял меня за шкуру и вытащил из воды.

Мне стало физически плохо от одиночества. Телефон в руке казался ледяным. Гордость кричала: «Не пиши ему. Он игнорировал тебя весь день.» Но пустота внутри кричала громче: «Тебе нужно подтверждение, что ты не пустое место.»

Дома пахло лавандой — аромадиффузор на комод, подарок Кати на прошлый день рождения. Я сбросила туфли, не развязывая, налила себе вина из открытой бутылки в холодильнике — Совиньон Блан, третий день стоит, уже кисловатый, но мне было плевать. На кухонном столе лежал недоделанный скетч для личного проекта — логотип для вымышленной кофейни, который я рисовала «для души» и никому не показывала.

Я напечатала дрожащими пальцами:

«Привет. Извини, если отвлекаю. Просто хотела сказать... сегодня был сумасшедший день, даже не пересеклись. Надеюсь, у тебя всё в порядке.»

Нажала «Отправить» — и тут же пожалела. Это выглядело жалко. Навязывание. Мать права, я вечно всё порчу.

Статус не менялся: «Был в сети 15 минут назад». Прошла минута. Две. Десять.

Он не читает. Конечно. Я ему не нужна. Вчера была игра, а сегодня шоу закончилось.

Я воткнула телефон в зарядку и пошла смывать макияж, чувствуя себя полной идиоткой.

Звук уведомления. Резкий, как выстрел.

Я метнулась к телефону, чуть не сбив вазу.

«Ты не отвлекаешь. Я был занят — писал заключение для HR по вчерашнему инциденту. Кире предложили уволиться по собственному, она торгуется. Скучная бюрократия. Ты молодец, Алиса. Не извиняйся за то, что ты есть. Отдыхай.»

Я перечитала это сообщение три раза — медленно, как перечитывают стихи, выискивая в нём больше, чем там, возможно, было.

«Не извиняйся за то, что ты есть.»

Семь слов. Семь слов, которые попали точно в то место, которое два часа назад разворотила мать своим снайперски точным «тебя спасли, как слепого щенка». Человек, который не знал ни о сегодняшнем ужине, ни о материнском презрении, ни об отцовском малодушии, — угадал ровно ту фразу, которая была мне нужна.

Слёзы, которые я сдерживала весь ужин — сдерживала физически, сжимая челюсти, впинаясь ногтями в ладони под столом, — хлынули потоком. Не красивые одинокие слёзы, как в кино, а некрасивые, с хлюпаньем и красным носом, те слёзы, которые проливаешь только в полном одиночестве, когда некому стыдиться.

Отец дал мне шоколадку «Алёнка», чтобы откупиться от моей боли. Жест длиною в одну шоколадку. Марк дал мне право быть — одной фразой, между делом, как человек, для которого подобные слова не стоят усилий, потому что он говорит правду так же легко, как другие врут.

Я прижала телефон к груди. Экран был тёплым — нагрелся от зарядки, но мне хотелось верить, что от его прикосновений. Глупость, достойная пятнадцатилетней, и я это понимала, и мне было всё равно.

Он не «близкий». Я его совсем не знаю — не знаю, где он живёт, что ест на завтрак, как выглядит его смех, есть ли у него шрамы, кроме того, что на руке. Но прямо сейчас, в этой пустой квартире, пропахшей лавандой и одиночеством, он был единственным человеком, который стоял за моей спиной не для того, чтобы толкнуть, а чтобы прикрыть. И этого было достаточно. Этого было слишком много. Этого было опасно мало.

* * *

День пятый. Адвокат дьявола

Пятница в «Strata Corp» пахла по-особенному. Кофе становился крепче, разговоры громче, а воздух — наэлектризованным предвкушением свободы. Люди улыбались мониторам, мысленно уже заказывая такси в бар. Но для меня этот день ощущался как вакуум.

После того ночного сообщения — «Не извиняйся за то, что ты есть» — Марк снова исчез с радаров. Я видела его мельком в коридоре. Он шёл с кем-то из совета директоров, кивнул мне на ходу — сухо, коротко, профессионально. Никаких тайных знаков. Никакой теплоты. «Коллеги». Просто коллеги.

За столом я вертела в пальцах стилус. Работа не шла. В голове крутилась предательская мысль: «Может, я всё придумала? Может, моя потребность в защите нарисовала связь там, где была просто вежливость начальника безопасности?»

Эта мысль была отрезвляющей и неприятной, как глоток остывшего чая.

К 18:00 напряжение достигло пика. Мне нужно было выдохнуть. Мне нужно было перестать проверять его статус «Online». Мне нужны были живые люди, которые не играют в шпионские игры.

Я открыла чат «Ведьмы». Последние сообщения: Катя скинула мем про «токсичного бывшего, который лайкает сторис через три месяца после расставания». Лена ответила голосовым на четыре минуты — наверняка разбор какого-то юридического прецедента, который она считает увлекательным, а мы с Катей — снотворным. Обычная жизнь. Тёплая, бестолковая, настоящая.

Напечатала: *«Сегодня в 20:00 в "Сплетнях". Мне нужно выпить. И мне нужно вам кое-что рассказать.»*

Катя ответила через секунду: *«ОМГ ЧТО СЛУЧИЛОСЬ»* — и четырнадцать эмодзи подряд. Лена: *«Буду. Без вина, я за рулём. Но с вопросами.»*

* * *

Первый коктейль ушёл, как вода в сухую землю. Алкоголь мягко ударил в голову, размывая границы осторожности. Мы заняли угловой столик. Я говорила долго. Я вывалила на них всё: украденную презентацию, унижение, появление Марка, логи на экране, ночное сообщение.

Катя подалась вперёд, глаза горели:

— Алис, ты серьёзно? Прямо при всех размазал её?

— Да. Он даже не повысил голос. Просто показал цифры.

— Господи, это же... это же сцена из фильма! Знаешь, такой «Мистер Грей», только с компьютером. Он рисковал ради тебя! Это не просто работа, подруга. Мужики не вписываются в конфликты, если им плевать.

Катины слова были сладким бальзамом. Она озвучивала то, во что я хотела верить. Но Лена молчала. Она крутила в руках стакан с водой — она была за рулём — и хмурилась.

— Подожди, — сказала Лена. Её голос был прохладным. — Давай уберём эмоции. По фактам. Ты сказала, что он показал логи, где видно время создания файла Кирой?

— Да. 9:10 утра.

— Значит, он видел момент кражи. В реальном времени.

— Ну... наверное. Он же начальник безопасности, у него доступ ко всему.

— Алиса, безопасность — это фиксация нарушений *после*. Или блокировка *до*. А он наблюдал. Он позволил ей украсть, позволил тебе испугаться, позволил довести дело до публичного скандала. Он срежиссировал это шоу.

— Ой, Лен, ну что ты начинаешь? — вмешалась Катя. — Ну хотел человек появиться эффектно, что такого? Победителей не судят!

Лена проигнорировала её и посмотрела мне в глаза:

— И ещё. Сообщение ночью. Он видел, что ты в сети в четыре утра. И написал тебе об этом.

— Ну... да. И что?

— А то, Алиса, что если бы мой клиент пришёл ко мне и рассказал, что его начальник отслеживает, когда он онлайн, и среди ночи шлёт ему сообщения, я бы готовила досудебную претензию. — Лена покрутила стакан. — Но я тебе этого не говорю. Потому что ты влюбилась. И влюблённым юристы не нужны.

Слова Лены повисли в воздухе тяжёлым дымом. Разумная часть меня знала: она права. Нормальные люди так не делают. Но алкоголь, обида на семью и тоска по «сильному плечу» взбунтовались.

— Лен, ты преувеличиваешь. У него такая работа — всё видеть. И если бы он не «срежиссировал шоу», как ты говоришь, Кира бы просто сказала, что это я у неё украла. А так у неё не было шансов.

— Я просто не хочу, чтобы ты попала в зависимость от человека, который играет людьми как пешками.

— Я не пешка. Я взрослая женщина. И я благодарна ему. Точка.

* * *

Я отвернулась, давая понять, что тема закрыта. Лена поджала губы, но кивнула.

— Ладно. Проехали. Рассказывай лучше, что там с твоим ремонтом?

Мы сменили пластинку. Катя перехватила инициативу и начала рассказывать про своё свидание с каким-то Антоном из Тиндера, который пришёл на встречу с мамой. Лена смеялась, давая циничные комментарии. Мы обсуждали новую коллекцию Zaga, дурака-бывшего Кати, планы на Новый год...

Я сидела между ними, крутила ножку бокала и улыбалась в нужных местах.

— Да ты что? Серьёзно, с мамой?

Мой голос звучал оживлённо. Но внутри головы царил абсолютный, звенящий сумбур.

Их голоса доносились до меня приглушённо — из тёплого мира, от которого я незаметно отдалялась, как лодка, которую течение уносит от берега так медленно, что стоящие на берегу ещё машут руками и не понимают, что ты уже не с ними.

«Антон не заплатил за кофе...» — щебетала Катя, и я кивала, и улыбалась, и тянула свой коктейль, а в голове стучало: Марк уничтожил карьеру человека ради меня. «Надо записаться на ногти, пока места есть...» — говорила Лена, и я что-то отвечала, что-то необязательное и весёлое, а внутри звучало: Марк видел мой «онлайн» в четыре утра и не спал, ожидая, напишу я или нет.

Вот что значит встретить такого. За пять дней он сместил мне слух. Тиндер, маникюр, бывшие, планы на Новый год — каждое из этих слов всё ещё было словом, я отвечала вовремя, я смеялась, где смеялись все, — но внутри ходил другой, чужой разговор, не для них. В груди жил подарок, который мне впервые в жизни принадлежал одной, и я ловила себя на том, что не хочу делиться. Я сидела среди своих лучших, самых близких, самых настоящих людей и

чувствовала себя шпионкой, которая знает государственную тайну, — и мне это удавалось. Так легко, так привычно, будто я всю жизнь ждала разговора, который не могу разделить.

Моя рука то и дело ныряла под стол, к телефону. Экран был тёмным. Он молчал. И это молчание заполняло бар плотнее, чем музыка, плотнее, чем смех, плотнее, чем четвёртый коктейль.

«Напиши мне. Пожалуйста. Выдерни меня из этого нормального, скучного, безопасного мира, в котором мне больше нечем дышать.»

* * *

Мы собирались уходить. Веселье выветрилось, оставив усталость. На улице октябрьский ветер пробирал до костей после душного бара. Лена достала ключи от машины.

— Ладно, поехали. Я вас развезу. Алиса, тебе на север?

Я открыла рот, чтобы согласиться. Ехать с Леной было разумно. Безопасно. Но в кармане завибрировал телефон. Один раз. Коротко. Властно.

Достала его, пряча экран от подруг, словно любовную записку.

«Катя выложила сторис из "Сплетен" — красивый коктейль на фоне неона, и ты в кадре, смеёшься. Хорошая фотография. Пятница, вино, скользкая плитка на ступеньках. Не мёрзни на остановке — я вызвал тебе машину. Бизнес, чёрная Камри, номер 247. Через три минуты будет у входа. Не спорь.»

У меня перехватило дыхание. Я открыла Катин Инстаграм. Точно — сторис, двадцать минут назад. Я там на заднем плане, с бокалом, в профиль. Катя отметила геолокацию бара.

Он увидел. Среди тысяч сторис в ленте он нашёл моё лицо — в пятницу, ближе к полуночи, на чужой картинке, на заднем плане. И подумал: на улице холодно. И сделал. Без слова, без вопроса, как делают для близких. Я даже не знала, что так бывает — что мужчину можно не звать, а он сам услышит, что ты вышла. Я думала, женщин ищут глазами; оказалось, некоторых женщин всё это время кто-то держит в поле зрения — без объявления, просто на всякий случай. Чтобы не замёрзла.

Лена назвала бы это иначе. Катя — сказкой. А я стояла на ветру и чувствовала, как в груди разливается горячее и стыдное — благодарность.

Чёрная Камри подкатила к бордюру беззвучно, как тень. Обычная машина бизнес-класса — не лимузин, не белый Мерседес из кино. Просто чистый салон, тихий двигатель и водитель, который не задаёт вопросов.

— Нет, Лен. Не нужно. — Я подняла подбородок. — Мне вызвали машину.

— Кто? — Лена нахмурилась. — Ты же не заказывала.

— Марк. Увидел Катину сторис.

Лена посмотрела на меня долго. Потом на машину. Потом снова на меня. Она не сказала ни слова, но я прочитала всё в её глазах: «Ты понимаешь, что происходит?»

Я села в машину. Дверь закрылась мягко, отрезая ветер, шум улицы и взгляд Лены. Вместе с дверью закрылось что-то ещё — но я была слишком уставшей, чтобы понять, что именно.

* * *

Машина плыла по ночному городу. Подвеска глотала ямы, шумоизоляция глушила мир. Здесь, внутри, было безопасно. Тепло. Тихо. Я откинулась на подголовник и закрыла глаза.

В голове звучал голос Лены: она назвала бы это цифровой слежкой. Да. Это она и есть. Любой нормальный человек сейчас испугался бы. Какого чёрта он следит за моей геопозицией? Почему он решает за меня, как мне ехать?

Но я смотрела на проплывающие огни города и чувствовала не страх. Я чувствовала покой. Всю жизнь я решала всё сама. Как доехать, как заработать, как защититься от маминых упрёков. А сегодня кто-то большой и сильный взял и решил проблему логистики за меня. Просто так. «Не спорь.» И я не хотела спорить.

Квартира встретила меня темнотой. Я достала телефон.

«Я дома. Спасибо.»

Ответ пришёл мгновенно. Будто он ждал с телефоном в руке.

«Я знаю. Спи.»

Я легла в кровать, натянув одеяло до подбородка. Лена права — это золотая клетка. Но Лена не знает, как холодно снаружи, когда ты одна. И как тепло внутри, когда за твоим сном кто-то присматривает.

* * *

День шестой. Абстиненция

Суббота началась с тишины.

Вчера я засыпала с ощущением, что я — принцесса в высокой башне, которую охраняет дракон. Сегодня я проснулась просто одинокой женщиной в ипотечной квартире.

Я потянулась к телефону. Рефлекс. Уведомлений ноль. Марк не написал «Доброе утро».

Встала, шаркая тапочками по паркету. Квартира казалась пыльной. Серой. Вчера я ехала в кожаном салоне, глядя на город свысока. Сегодня мне нужно было загрузить стиральную машину и помыть посуду. Контраст между вчерашним вечером и сегодняшним утром был таким резким, что у меня заныли зубы.

За уборку взялась механически: тёрла зеркало в ванной. «Интересно, что он делает в субботу? Спит? Работает? Или у него есть... кто-то?» Эта мысль кольнула ревностью. Я ничего о нём не знаю. Может, у него жена и трое детей, а я — просто очередной «проект» на работе? Нет. Не может быть. Он слишком одинокий. Такие волки живут одни.

* * *

Я пыталась жить нормальной жизнью. Такой, как раньше — до «Strata Corp», до стеклянных стен, до него.

Раньше мои субботы были простыми: проснуться в десять, сварить кофе в джезве, включить подкаст про дизайн, рисовать что-нибудь ненужное в скетчбуке, пока за окном идёт дождь. Потом — прогулка до книжного на Покровке, обед в тайском кафе с острым том-ямом, вечером — сериал с Катей по видеозвонку, параллельно обсуждая каждую сцену.

Сегодня я включила сериал, который советовали девочки. Выключила через двадцать минут — проблемы героев казались надуманными и глупыми. Открыла скетчбук — карандаш завис над бумагой, и я поймала себя на том, что рисую не логотип, а глаз. Его глаз. Я вырвала страницу и смяла. Почитала книгу. Буквы не складывались в смыслы.

Телефон лежал на столе чёрным кирпичом, и я ловила себя на том, что поглядываю на него каждые три-четыре минуты — с той навязчивостью, с какой человек с больным зубом то и дело трогает языком десну, хотя знает, что будет больно, хотя понимает, что лучше не трогать, но не может остановиться, потому что само ожидание боли мучительнее, чем боль.

Марк был «Online». Зелёный кружок горел ровно, безучастно. Но он молчал.

Усидеть не получалось. Я ходила по квартире — из кухни в комнату, из комнаты в ванную, обратно в кухню, — и не понимала, чего ищу. Руки не находили себе места. Я открыла холодильник — закрыла. Налила воду — не выпила. Взяла телефон — положила. Снова взяла. Положила экраном вниз. Перевернула экраном вверх. Во рту было сухо, в солнечном сплетении лежал камень, а кожа на предплечьях покрылась мурашками, хотя в квартире было тепло.

Что это, я поняла не сразу. А когда поняла — стало по-настоящему страшно.

Пять дней. Пять рабочих дней — и моё тело привыкло к нему, как привыкает к веществу, о котором раньше не знало. В будни он был везде: в коридорах, в кухонном свете, в ночных уведомлениях, в паузах между делами. А в выходной — исчез. И тишина, которая неделю назад была моей союзницей, стала невыносимой. Не потому что я *думала* о нём. Потому что моё тело *ждало* его — гудело ожиданием, как выключенный усилитель, в котором ещё дрожит остаточное напряжение. Мне не хватало не его — мне не хватало *напряжения*, того электрического поля, которое возникало вокруг него, той остроты, которая делала каждый рабочий день приключением, а каждое его сообщение — событием. Без этого напряжения суббота была просто субботой: серой, плоской, пустой, как экран выключенного телевизора.

Мне нужно было что-то сделать. Спровоцировать реакцию. Послать сигнал — но так, чтобы не потерять лицо, чтобы сохранить видимость достоинства, чтобы он не догадался, до какой степени я уже принадлежу ему. Я не буду писать первой. Я гордая. Я сделаю ход конём.

Я зашла на сайт Галереи Современного Искусства. Там открылась выставка «Геометрия Хаоса». Название идеально подходило под моё состояние. Я купила электронный билет на завтра, на 14:00.

Сделала скриншот билета. Открыла Инстаграм. Загрузила в сторис. Добавила короткую подпись: *«Иногда ответы нужно искать в тишине»*. И геолокацию галереи.

* * *

Теперь моя жизнь превратилась в ожидание. Я обновляла список просмотров каждые пять минут. Катя посмотрела. Мама посмотрела. Молчание, слава богу. Лена посмотрела. Бывший однокурсник... Магазин ногтей...

Его не было.

Время шло к полуночи. Я сидела на подоконнике с остывшим чаем, глядя на тёмную улицу. Может, он не сидит в Инстаграме по выходным? Может, он занят? Я чувствовала себя глупой школьницей, которая надела лучшее платье, а парень даже не пришёл на дискотеку.

— Ладно. Плевать.

С досадой я бросила телефон на диван и пошла в душ. Разделась, встала под воду, пытаюсь смыть с себя это липкое чувство ненужности.

Из душа я вышла почти успокоившейся. Почти. Завёрнутая в полотенце, оставляя мокрые следы на полу, я подняла телефон — просто проверить время, соврала я себе — и ещё раз открыла список просмотров.

Наверху, поверх всех знакомых имён, — *m.v.*

Я выдохнула.

Он здесь. Профиль без фото, без публикаций, инициалы вместо имени — конечно, он. Он не лайкнул. Не написал комментарий. Не прислал смайлик. Он просто посмотрел.

Но мне этого было достаточно. Он знает, где я буду завтра. Он увидел наживку. Теперь ход за ним.

* * *

Я лежала в темноте, глядя в потолок. Телефон — рядом, тихий, как уснувшее живое существо.

Итог дня был прост: двенадцать часов единственной субботы я потратила не на отдых, не на хобби, не на радость — а на ожидание внимания от мужчины, который пугает меня до дрожи.

И всё-таки, когда я увидела его ник в списке просмотров, что-то тёплое ударило в кровь — сильнее, чем от любого сериала или вина.

Я закрыла глаза. Завтра галерея. Завтра я буду красивой. Завтра я буду ждать.

Если он не придёт — я сойду с ума от разочарования. Если он придёт — я сойду с ума от страха, что он следит за мной.

И я не знала, какой вариант хуже.

* * *

День седьмой. Геометрия хаоса

Я проснулась в семь. В воскресенье. Добровольно.

Тело вспомнило раньше, чем голова. Желудок сжался, пальцы покалывало, сердце стучало чуть быстрее нормы. Организм готовился к чему-то задолго до того, как я призналась себе, к чему именно.

Шкаф я открыла — и простояла перед ним двадцать минут.

Чёрное — слишком «рабочее». Красное — слишком «я старалась». Белое — слишком «невинность». Каждый цвет был высказыванием, а я не знала, что хочу сказать. В итоге я выбрала серый кашемировый свитер и джинсы. Нейтральная территория. Я оделась так, будто мне всё равно.

Мне не было всё равно.

«Ты идёшь на выставку. Одна. Потому что тебе интересно искусство. Ты не ждёшь его. Ты не для него накрашила ресницы тремя слоями. Ты просто любишь геометрию. И хаос. По отдельности.»

* * *

Галерея располагалась в бывшем заводском корпусе — бетонные стены, металлические балки под потолком. Пространство было огромным и пустым, как собор для атеистов.

Я пришла на десять минут раньше. Разумеется. Опоздать — значит не контролировать момент входа. А мне нужно было видеть дверь.

Бокал белого вина — бесплатного, тёплого, кислого — я взяла у стойки и начала обход.

Первый зал — инсталляция: тысячи тонких нитей, натянутых от пола до потолка. Красные, белые, чёрные. Если встать в центре, казалось, что ты внутри кровеносной системы какого-то гигантского существа.

Я встала. Нити касались плеч, щёк, запутывались в волосах. Лёгкое щекотание. Лёгкая клаустрофобия.

Табличка на стене гласила: *«Связи. Материал: шёлковая нить, стальной каркас. Мы выбираем, к кому привязаться. Но не выбираем, когда нить становится цепью».*

* * *

Я почувствовала его раньше, чем увидела.

Это сложно объяснить. Воздух изменился. Стал плотнее. Как перед грозой, когда давление падает и уши закладывает.

Перед огромным чёрным полотном — абсолютная темнота, без единого мазка, без текстуры, просто прямоугольник пустоты в белой раме — я пыталась понять, искусство это или издевательство, когда в отражении на стекле витрины справа увидела силуэт.

Он стоял у входа в зал. Руки в карманах. Без пиджака — впервые. Тёмно-синий свитер, простые брюки. Он выглядел как обычный человек. И от этого было ещё страшнее.

— Ты смотришь на неё уже три минуты. Нашла что-нибудь?

Его голос прозвучал откуда-то сбоку. Близко. Слишком близко. Он двигался бесшумно, как кот.

Я не вздрогнула. К этому моменту я готовилась с семи утра.

— Пытаюсь понять, это глубина или пустота.

Он встал рядом. Не напротив — рядом. Плечо к плечу. Мы оба смотрели на чёрный прямоугольник.

— Это зависит от того, кто смотрит. Пустой человек увидит пустоту. Глубокий — глубину.

— А ты что видишь?

Пауза. Он чуть повернул голову. Не ко мне — к картине. Но я чувствовала, что он смотрит на моё отражение в стекле.

— Я вижу зеркало, которое не врёт.

* * *

Мы пошли дальше. Вместе. Это не было приглашением — он просто пошёл, и я пошла, как спутник, попавший в орбиту планеты.

Он не говорил много. Но каждое слово попадало точно.

У скульптуры из битого стекла он остановился.

— Японцы склеивают разбитую посуду золотом. Кинцуги. Трещины не прячут — подчёркивают. Считают, что сломанная вещь красивее целой.

— Это красивая философия для тех, кто ломает, — сказала я.

Он усмехнулся. Впервые я увидела не контролируемую полуулыбку, а настоящую, непроизвольную реакцию. Она мелькнула и погасла, как спичка на ветру.

В третьем зале висела серия чёрно-белых фотографий. Одна из них — мальчик лет семи, стоящий спиной к камере в пустом коридоре какого-то учреждения. Казённые стены, линолеум, лампа дневного света. Подпись: «Ожидание».

Марк остановился. Не как перед другими работами — оценивающе, с ленивым интеллектуальным любопытством. Он замер. И я увидела, как его лицо *изменилось* — не целиком, не сразу, а точно, деталями, которые я считывала с профессиональной цепкостью дизайнера, привыкшего замечать сдвиг на полпикселя. Челюсть расслабилась — та самая челюсть, которая всегда была сжата, как замковый камень арки. Морщинка между бровями разгладилась. Глаза стали шире, и зрачки — на секунду — потеряли фокус, будто он смотрел не на фотографию, а сквозь неё, в какой-то другой коридор, в какое-то другое учреждение, где мальчик стоит спиной и ждёт. Его рука дёрнулась — едва заметно, на сантиметр, будто он хотел дотронуться до стекла, — и остановилась. Четыре секунды он был кем-то другим. Кем-то, кого я не знала. Кем-то, кто помнил запах линолеума и холодный свет дневных ламп.

Потом он моргнул. Челюсть сжалась. Он пошёл дальше, ничего не сказав, и шаг его был чуть быстрее обычного — единственный след того, что произошло.

Я не спросила. Но я запомнила каждую из этих четырёх секунд: момент, когда Марк не казался мне системой. Он казался мне человеком. И от этого стало страшнее, чем от всего остального.

У фотографии женщины с закрытыми глазами и надписью «Согласие» мы снова остановились.

— Станный выбор названия, — сказал он. — Закрытые глаза — это не согласие. Это отказ видеть.

— Или доверие. Ты закрываешь глаза, когда доверяешь.

— Или когда сдаёшься.

Мы замолчали. Между нами висело что-то тяжёлое, невысказанное. Я шла рядом с ним и думала: вот он, без офисной брони, без терминала, без логов. Просто мужчина в музее. Почему же мне кажется, что он опаснее, чем когда-либо?

* * *

На третьем этаже была маленькая кофейня с видом на город. Он заказал два капучино, не спросив, что я хочу. Официантка принесла их молча, поставив передо мной чашку с рисунком сердечка на пенке.

Я посмотрела на сердечко. Потом на Марка.

— Бариста — романтик, — пожал он плечами.

Мы сидели у окна. Город лежал внизу, маленький и послушный. Отсюда люди казались пикселями. Мне стало не по себе — я вспомнила, как Марк видит мир. Сверху. Как систему.

— Ты хотела спросить что-то, — сказал он. — С того момента, как я вошёл. Спрашивай.

Он был прав. Вопрос сидел во мне, как заноза.

— Как ты узнал про галерею?

Он отпил кофе. Не торопясь.

— Ты сама рассказала. Инстаграм, сторис, геолокация. Ты повесила маяк и удивляешься, что я пришёл?

Кровь бросилась в лицо.

— Я не для тебя это выкладывала.

— Нет?

Одно слово, один слог. И в нём — всё. Он знал. Он знал, что сторис была для него. Что билет был приманкой.

И самое страшное: мне не было стыдно. Мне было легче. Будто кто-то наконец назвал вещи своими именами.

— Ладно. Может, для тебя. Частично. Мне было... одиноко вчера.

Он не улыбнулся. Не сказал «мне тоже». Он сделал лучше. Он кивнул — медленно, серьёзно, так, будто услышал не слово, а целую правду, которую я только что отдала ему первому.

— Я знаю.

* * *

Разговор потёк сам. Он спрашивал — не как интервьюер, а как архитектор, который изучает чужое здание: где несущие стены, где пустоты, где треснул фундамент.

— Почему дизайн?

— Потому что в пикселях есть порядок. Мир хаотичный, люди непредсказуемые, а сетка — честная. Восемь пикселей — это всегда восемь пикселей.

— Ты ищешь контроль через визуал, — сказал он, и это не было вопросом. — Интересно. Большинство дизайнеров говорят «я хочу делать красивое». Ты хочешь делать правильное. Это не одно и то же.

Он попал. В яблочко. Мне захотелось спросить «откуда ты знаешь?», но это было бы глупо. Он всегда знал.

— А ты? Почему кибербезопасность?

Он посмотрел в окно. Впервые за весь день его взгляд стал расфокусированным, направленным внутрь.

— Потому что люди врут. Системы — нет. Логи не умеют притворяться. Когда человек говорит «я не делал этого», я открываю историю запросов, и истина лежит передо мной — голая, с временными метками, без адвокатов.

Он замолчал. Потом добавил — тише, глуше, будто слова вылезли сами, без разрешения:

— Мне было шестнадцать, когда я нашёл письмо — одно письмо в электронной почте, которое мать забыла удалить. До этого два года она говорила, что отец уехал в командировку. Я верил ей. Хотел верить. Он не уехал. Он ушёл. К другой семье, в другой город. Она знала с первого дня.

Он отпил кофе. Лицо снова стало непроницаемым, как если бы он захлопнул дверцу, которая открылась случайно, на сквозняке.

— С тех пор я доверяю данным. Люди могут смотреть тебе в глаза и врать годами. Код — нет.

— Ты сравнил правду с трупом.

— Правда обычно и есть труп. Живые предпочитают ложь.

Я засмеялась. Против воли. Но внутри что-то сдвинулось. Шестнадцатилетний мальчик, который нашёл одно письмо и перестал верить людям. Это объясняло всё — и ничего. Никто не рассказывает такое случайной женщине через неделю знакомства. Значит, я не случайная.

Он посмотрел на меня с выражением, которое я не могла расшифровать. Удивление? Нежность? Голод? Или благодарность за то, что я не полезла утешать?

— У тебя красивый смех. Ты редко смеёшься.

— Откуда ты знаешь, как часто я смеюсь?

— Потому что люди, которые часто смеются, не покупают билеты на выставки в субботу вечером, чтобы не сидеть дома одни.

Удар. Точный, без замаха.

Я отвернулась к окну. Глаза защипало. Не от обиды. От того, что кто-то впервые увидел меня — не ту, которая в помаде «Винный бархат» и с прямой спиной, а ту, которая боится тишины и прячет одиночество за сарказмом.

* * *

Мы вышли, когда галерея закрывалась. Охранник выключал свет зал за залом, и здание гасло, как угасающее сознание.

На улице было холодно. Октябрьские сумерки пахли мокрыми листьями и бензином. Мы стояли у входа, и я не знала, что делать. Весь день прошёл как в тумане — мягком, тёплом, отравленном.

— Мне пора.

Я сказала это и не двинулась с места.

— Я провожу.

— Не надо. Я вызову такси.

Он посмотрел на меня долго. Потом достал из кармана что-то маленькое и положил мне в ладонь, сжав мои пальцы сверху своими.

Визитка. Простая, белая, без логотипа. Только имя и номер.

— Это личный. Не рабочий. Не корпоративный. Если тебе снова будет одиноко в субботу — не вешай маяки в интернете. Просто позвони.

Его рука задержалась на моей на секунду дольше, чем нужно. Его пальцы были тёплыми. Всегда тёплыми. Как батарея в холодной комнате, к которой прижимаешься спиной.

Потом он развернулся и ушёл. Не оглядываясь. Растворился в толпе, как капля чернил в воде.

С визиткой в кулаке я чувствовала, как бумага впитывает пот с ладони.

* * *

Дома я положила визитку на тумбочку у кровати. Она лежала там, белая на тёмном дереве, как таблетка, которую не решаешься выпить.

Я приняла душ. Долго. Смывала с себя его запах — холодный, металлический, с нотой сандала, — который каким-то образом впитался в мой свитер, хотя мы даже не обнимались.

Потом легла. И тихо, как девчонка, что прячет под одеялом письмо, — пересчитала свой день.

Он пришёл. Конечно, пришёл — я сама повесила сторис, я сама поставила маяк. Это не он за мной — это я ему. А он услышал.

Он был другим. Без пиджака, без логов, без системы. Он говорил о себе. Впервые. Кому он ещё рассказывал про мальчика в коридоре? Никому. Я знала, что никому, тем глубоким знанием, которое доступно женщине в первую неделю.

Он сказал «позвони». Не «я позвоню». Раньше мужчины ставили меня перед фактом — этот поставил меня перед собой и отступил на шаг. Захочешь — позвонишь. Не захочешь — твоя жизнь. Я подумала: вот мужчина, к которому можно прийти, потому что он не зовёт.

Я знала, что сказала бы каждая. Они уже сказали — в пятницу, в баре. А я?

Повернулась на бок и посмотрела на визитку. Белый прямоугольник в темноте.

Шрам на руке. Мальчик в пустом коридоре. Мать, которая врала два года. Этот мужчина либо рассказал мне больше, чем когда-либо рассказывал кому-то, либо рассказал ровно столько, сколько мне нужно было услышать. Я не знала, какая правда мне приятнее. Подозреваю, обе.

Вот чем он отличается от всех мужчин, которые были до него. Те хотели забрать: моё время, моё тело, моё внимание. Марк даёт. Машину. Чай. Защиту. Историю. Визитку.

Но каждый подарок — это нить.

Я закрыла глаза.

Визитка лежала на расстоянии вытянутой руки, и мне казалось, что я чувствую её присутствие кожей — так чувствуешь чужой взгляд в пустой комнате. Десять цифр, которые я уже запомнила, хотя не пыталась.

Я не позвоню. Не сегодня. Не потому, что не хочу, — а потому, что хочу слишком сильно.

Но я и не выброшу.

Глава 2. Шёлк

День восьмой. Послевкусие

Я позвонила.

Нет, не так. Сначала я двенадцать часов не звонила, и эти двенадцать часов были отдельным, самостоятельным событием моей жизни — событием столь же насыщенным и изматывающим, как иные люди переживают за целый год.

Утро понедельника началось с дождя. Мелкого, пылевидного, того сорта дождя, который не замечаешь, пока не обнаруживаешь себя мокрой до нитки. Я шла к офису с зонтом в сумке — не открытым, потому что открыть зонт означало бы признать, что погода плохая, а мне нужно было верить в хороший день. Суеверие, достойное пятилетней.

В наушниках молчало. Впервые с первого дня я не включила музыку по дороге на работу. Мне не нужен был звуковой щит. Мне нужно было слышать мир — шаги, капли, гудки — потому что каждый звук мог оказаться прелюдией к чему-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.